

• •

4

[Stable URL: <http://elar.uni Yar.ac.ru/jspui/handle/123456789/1338>]

[. . 1875: 4 // . , 35-55.

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

« »

THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
"THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES"
YAROSLAVL BRANCH

YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

ЛЕКЦІЯ 4.

Вопросъ о времени происхожденія *Буколикъ*. Содержаніе каждой изъ 10 эклогъ въ отдѣльности. Впечатлѣніе, какое произвели *Буколики* на римскую публику. Отношеніе ихъ къ *Идилліямъ* Феокрита и недостатки этого рода произведеній *Виргилія*: Классическое изящество языка и стѣха въ *Буколикахъ*.

Рядъ несомнѣнныхъ произведеній *Виргилія*, на которыхъ лежатъ печать таланта, вполне достойнаго передового иѣвца въ хорѣ поэтовъ Августова вѣка, начинается съ идиллическихъ его стихотвореній, носящихъ у него названіе *Буколикъ* (*Bucolica*), т. е. произведеній пастушеской поэзіи. Произведенія эти, числомъ 10, изъ которыхъ каждое въ дошедшихъ до насъ рукописяхъ и въ печатныхъ изданіяхъ носятъ названіе *эклогъ* (этимъ греческимъ словомъ назывались у Римлянъ вообще небольшія отдѣльныя поэтическія произведенія, особенно же пастушескаго содержанія), написаны, по словамъ древнихъ биографовъ и комментаторовъ, въ продолженіе трехъ лѣтъ (*Bucolica triennio perfectit*). Этому заявленію *Доната* и *Сервія* слѣдуетъ и *Риббекъ* въ своихъ замѣчательныхъ *Prolegomena critica* (глава 1) къ *Виргилію*, относя время происхожденія *Буколикъ* на 713—715 (41—39). Но распределеніе всѣхъ десяти эклогъ на періодъ этихъ трехъ лѣтъ представляетъ большія трудности. Передавая вамъ свѣдѣнія о жизни *Виргилія*, я уже указывалъ вамъ на время написанія нѣсколькихъ эклогъ, изъ которыхъ двѣ, *вторую* и *третью*, вообще признаваемы старѣйшими, мы отнесли ко времени, предшествовавшему изгнанію *Виргилія* изъ его имѣнія въ 713 (41), а последнюю, *десятую*, адресованную къ *Корнелію Галлу*, вмѣстѣ со многими учеными, какъ *Гейне*, *Вагнеръ*,

Бенуа и др., мы отнесли къ 716—717 (38—37). Во всякомъ случаѣ порядокъ, въ какомъ мы теперь читаемъ эклоги, не соответствуетъ ихъ историческому происхожденію; но съ другой стороны нѣтъ основаній приписывать этотъ порядокъ кому-либо другому, кромѣ самого *Виргилія*, какъ это указывается и послѣднимъ стихомъ *Геортикъ* (*Georg.*, IV, 566), гдѣ поэтъ, вспоминая о своихъ пастушескихъ произведеніяхъ, обозначаетъ ихъ первымъ стихомъ 1-й эклоги.

Постараемся познакомиться ближе съ содержаніемъ каждой эклоги въ отдѣльности. При этомъ я долженъ предупредить васъ, что, за отсутствіемъ другого, лучшаго, перевода, я буду приводить мѣста изъ *Букомикъ* въ переводѣ *Мерзлякова*, напечатанномъ въ его «Подражаніяхъ и переводахъ изъ греческихъ и латинскихъ стихотворцевъ» (часть 2-я. Москва, 1826). Переводъ этотъ, правда, нѣсколько устарѣлъ по языку и сдѣланъ даже не размѣромъ подлинника, но пренебрегать имъ я счелъ себя тѣмъ болѣе не въ правѣ, что онъ принадлежитъ лицу, имѣющему важное значеніе въ нашей литературѣ и сдѣлавшему не мало для ознакомленія нашего общества съ литературными произведеніями классическихъ народовъ.

Въ первой эклогѣ, носящей въ рукописяхъ и изданіяхъ названіе *Титиръ*, идетъ разговоръ между пастухами Титиромъ и Мелибеемъ, изъ которыхъ послѣдній, изгнанный изъ своего имѣнія солдатомъ, завидуетъ первому, который, благодаря заступничеству живущаго въ Римѣ высокаго лица, называемаго имъ богомъ, остается при своихъ пенатахъ и можетъ спокойно пасти стада. Довольный своей судьбой и видя бѣдняка, со слезами оставляющаго родину, Титиръ говоритъ ему объ источникѣ своего счастья:

О Мелибей, есть богъ, податель сихъ отградъ.
 Мой богъ ояъ на всегда! Его алтарь священный
 Ягненокъ, съ матерью лишь только разлученный,
 Здѣсь будетъ кровію своею омывать.
 Взгляни на свѣтлый лугъ—къ чему другихъ искать?

На это Мелибей отвѣчаетъ:

Я не завидую, но больше удивляюсь:
 Куда ни обратись, гроза во всѣхъ мѣстахъ.

Смущаются поля... Я самъ при сѣдинахъ,
 И слабъ, и дряхлъ, влекусь за тощими овцами;
 А эту чуть веду: бѣдвяжка за кустами
 Теперь лишь двухъ ягнятъ несчастно родила.
 На нихъ-то вся моя надежда и была!
 Какъ угадать бѣду! А молнии не даромъ
 На дубы дѣвнѣе спускалися съ пожаромъ,
 Не даромъ выщій вранъ далъ голосъ надо мной...
 Но, Титиръ, кто сей богъ, благотворитель твой?

Т и т и р ь.

Ахъ, какъ же былъ я простъ—послушай для забавы:
 Я думалъ, городъ сей, о коемъ столько славы,
 Что Римомъ все зовутъ, похожъ на нашу родной,
 Куда гоняли мы ягнятъ своихъ весной.
 Такъ я щенка со псомъ, такъ съ матерью козленка,
 Такъ малое съ большимъ равнялъ я: толкъ ребенка!
 Нѣтъ, Римъ среди градовъ такъ высится челомъ,
 Какъ гордый кипарисъ предъ низкимъ тростникомъ:

Выслушавъ отъ Титира, какъ тотъ большой человекъ въ Римѣ,
 которому воздаютъ божескія почести, успокоилъ его товарища на счетъ
 безопасности владѣнія своимъ кускомъ земли, Мелибей со вздохомъ
 говорить:

Fortunate senex, ergo tua cura manebunt!
 И такъ твои поля съ тобою на всегда,
 О счастливый пастухъ!

На красныхъ берегахъ спокойныхъ рѣкъ родимыхъ,
 Близъ крова милаго, въ тѣни деревъ любимыхъ,
 Тамъ радости твоей! Шагъ ступишь—и лѣсокъ!
 Здѣсь перелетный рой, спускаясь на лужокъ,
 Жужжаніемъ къ тебѣ сонъ сладкій призываетъ;
 Здѣсь виноградарь пѣсню простую напѣваетъ;
 И голуби твои, утѣха красныхъ дней,
 Воркуютъ о любви надъ хижиной твоей.

Въ то время, какъ Титиръ все сильнѣе и сильнѣе старается вы-
 разить преданность своему римскому благодѣтелю, Мелибей продол-
 жаетъ:

А намъ, изгнанникамъ, гдѣ смерть намъ суждена?
 Мы, сирые, влечемъ тяжело бремя горя
 Или въ Либію, или въ Кипръ; поидемъ равнины моря,
 Въ безвѣстный, новый міръ, въ Британскіе лѣса!
 Ахъ, если некогда позволятъ небеса
 Еще хоть разъ одинъ увидѣть лѣсъ знакомый
 И бѣдну хижину, покрытую соломой —
 Что, что, тогда найду на нивѣ я родной?
 Колосьевъ несколько, подавленныхъ травой.
 Какъ! лучшія поля, трудовъ, раченія грата,
 Должны добычей быть пришельца-супостата,
 Добычей варвара и жатва и плоды?
 (Impius hæc tam culta novalia mihi habebit,
 Barbarus has segetes!)
 О мщевіе боговъ, гражданскія вражды!

Прости цвѣтущій край, дни радости пробтите!
 Что, козы бѣдвыя, что томя вы глядите?
 Натъ, вы не будете уже въ глазахъ моихъ
 Одищивать листья кусточковъ молодыхъ! ¹⁾

Вы, конечно, знаете, что хотѣлъ сказать *Виргилій* этой эклогой, какое состояніе вещей изображаетъ онъ въ словахъ несчастнаго *Мелибея*, чьи чувства изображаетъ онъ въ лицѣ *Титира* и кто этотъ богъ, которому благодарный *Титиръ* поклоняется.

Эклогу эту написалъ *Виргилій*, воротившись изъ Рима съ позволеніемъ остаться на своей землѣ и не уступать еѣ нахальному ветерану. Это было въ 713 (41) году. Вотъ уже съ какого времени *Октавіана* стали называть богомъ, вотъ еще съ какихъ поръ повѣяло новымъ литературнымъ духомъ, вотъ гдѣ начало поэзіи *Августова* вѣка и граница прежней республиканской литературы.

Deus nobis hæc otia fecit!

говоритъ *Виргилій*, испытавши благодѣяніе *Августа*, позволившаго ему владѣть его же собственнымъ имѣніемъ ²⁾).

¹⁾ *Мерзляковъ*, «Подражанія и переводы». Часть 2-я, стр. 186—190.

²⁾ Первая эклога недавно издана у насъ съ ученымъ комментариемъ г. *Н. Фоккоульма* въ отдѣлѣ классической филологіи *Жур. мин. нар. просв.* (Сент., 1873).

Вторая по порядку эклога — *Алексидъ* — написана, какъ вы уже знаете, раньше предыдущей и можетъ быть призвана за самую первую по времени эклогу *Виргилия*. Древніе біографы и комментаторы поэта (*Сервій*, *Донатъ*) объясняютъ происхождение этой эклоги тѣмъ, что *Виргилій*, будучи однажды у *Азинія Полліона* въ гостяхъ, плѣнился красотой прислуживавшаго мальчика, по имени *Александра*, и воспылалъ къ нему сильною страстью, которая и внушила ему это произведение. Здѣсь подъ именемъ пастуха *Коридона* *Виргилій* выражаетъ свои мольбы къ *Алексиду*, принадлежащему вѣкофу *Юллъ*. *Полліонъ*, вѣроятно восхищенный этой эклогой, подарилъ ему этого красиваго мальчика, утѣху своего господина, *delicias domini*, какъ онъ называется въ началѣ эклоги. *Виргилій*, прибавляютъ источники, тщательно воспиталъ его, такъ что онъ сдѣлался потомъ грамматикомъ, о трудахъ котораго мы впрочемъ ничего не знаемъ. *Исторія*, рассказанная біографами относительно любви *Виргилия* къ *Алексиду*, подтверждается и указаніями *Марціала*, который, живя благодареніями богатыхъ и знатныхъ людей, дважды приводитъ ее въ примѣръ щедрости покровителей поэзіи въ прежнее время (*Epigr.*, V, 16, 12; VIII, 56, 12 сл.). Что касается эклоги, то она есть очевидное подражаніе *Ѳеокриту* и представляетъ иногда дословныя заимствованія цѣлыхъ стиховъ изъ разныхъ идиллій творца пастушеской поэзіи. См. мѣста сличенія у *Риббека* въ приложеніи къ 1-му тому его изданія *Виргидія*.

Въ переводѣ *Мерзлякова*, гдѣ, по щекотливости для нашего слуха оужета эклоги, сдѣланы значительныя измѣненія, я приведу вамъ слѣдующіе стихи, которыми *Коридонъ* уговариваетъ предметъ своей страсти полюбить его (ст. 19 сл.):

Не правлюсь я? Но чѣмъ? Узнай же напередъ,
 Кто я и какъ богатъ, хозяйство какъ ведется;
 Мнѣ тысяча овецъ въ Сициліи пасется:
 И лѣтомъ и зимой со свѣжимъ молокомъ.
 И пѣсни твои пою, какія вечеркомъ
 При стадѣ *Амфіонъ* пѣвалъ у насъ бывало.
 Не такъ и дурень я: вчера, какъ тихо стало

И море свѣтлое покоилось во снѣ,
 Смотрѣя я въ водахъ пѣи блещущей лунѣ,
 Когда вода не льститъ,—тобой, тобой клянусь,
 Предъ Дафнисомъ твоимъ никакъ не постыжусь.
 Тебя странать лѣса и низкій мой шалаши,
 Ахъ, не безъ радостей безвѣстный жребій нашъ.
 Пріятно по горамъ за сернами гоняться
 И стадомъ на лугу игривымъ любоваться!
 А пѣсни? Станемъ пѣть и Пану подражать.
 Панъ первый научилъ свирѣли составлять;
 Панъ стадо бережетъ, онъ богъ надъ пастухами.
 Не стыдно взять свирѣль, любимую богами.

Есть пара у меня баранковъ, подростаютъ:
 Вкругъ черныя, на лбу двѣ звѣздочки блистаютъ.
 Съ трудомъ поймалъ въ горахъ. Миѣ овцы дважды въ день
 Приносятъ молоко въ родительскую снѣ.
 Тебѣ ихъ сберѣгалъ, а многіе просили;
 Пришлось отдать, — тебѣ дары мои постыли
 (Sordent tibi munera nostra)!¹⁾

Третья эклога—*Палемонъ*—, составленная преимущественно по 5-й и 4-й идилліямъ Феокрита, представляетъ намъ интересный образчикъ состязанія въ импровизаціи (которая и теперь еще въ чести у Итальянцевъ) между пастухами Меналкой и Дамѣтой, судьей которыхъ является Палемонъ. Этого рода произведенія, такъ-называемыя *carmina amoebaea*, состоятъ въ томъ, что одно изъ состязующихся лицъ высказываетъ въ нѣсколькихъ стихахъ свою мысль, на которую другое должно отвѣчать въ такомъ же количествѣ стиховъ, выражая или ту же мысль, или противную ей, или подобную, но съ неменьшею ловкостью, а если возможно, и съ большею. Я приведу нѣсколько образчиковъ этого состязанія въ переводѣ *Мерзлякова*:

Д а м ѣ т а (ст. 60).

Отъ Юпитера пѣснь, всемогущему хвала!
 (Ab Jove principium musæ: Jovis omnia plena)

¹⁾ Мерзляковъ, «Подражанія и переводы», стр. 194—195.

Земля и небеса Юпитера дѣла,
Онъ нивы богатити, мой стикъ благоодвлетъ

М Е Н А Л К А:

Фебъ любить и меня. Для Феба сохраняетъ
Меналковъ садъ дары, достойны божества:
Румяный гвацивъ и лавры торжества.

Д а м е т а.

Вдругъ яблоко въ меня кидаетъ Галатея.
Смотрю: шалунья въ лѣсъ, какъ будто-бы робвя,
Бвжить, но хочетъ звать, смотрю-ли я за ней

М Е Н А Л К А

И наконецъ Аминтъ, тоска любви моей,
Самъ сталъ искать меня, самъ юношу ласкаетъ.
Кѣкъ делю, его моя собака знаетъ.

Д а м е т а

Богиня радостей готова дань моя:
Сыскаль, замвтилъ самъ то мѣсто въ рошъ я,
Гдѣ свили гвздышко двѣ горлицы младыя.

М Е Н А Л К А.

Какія яблоки прекрасныя, златыя!
Лишь только съ дерева! Я къ Дели моей
Десяткъ отослалъ: онъ и я — все ей!).

И такъ далѣе въ этомъ родѣ до 84 стиха, гдѣ темой для состязанія Дамета избираетъ Поллона, благодѣтеля Виргилия. Тему эту поддерживаетъ Меналка, который на слѣдующи куплетъ о Поллонѣ отвѣчаетъ уже сарказмомъ на Бавія и Мевія, известныхъ литературныхъ враговъ Виргилия. Впрочемъ вотъ это мѣсто въ переводѣ Мерзлякова:

Д а м е т а.

Пусть муза седь, проста: съ ней друженъ Поллонъ
И пѣсни скромныя внимаетъ сладко онъ.
Піериды, ему телицу посвятите.

¹⁾ Ibid., стр. 201—202. Нельзя не пожалѣть, что, въ то время какъ въ подлинникѣ каждый изъ состязающихся говоритъ въ приведенныхъ мѣстахъ лишь два стиха, Мерзляковъ растягиваетъ ихъ въ три.

М Е Н А Л К А.

Слагаетъ твояи самъ: быка ему пасите,
 Который, наклонясь, оставилъ долгий рогъ,
 И пламенный песокъ отъ сильныхъ брыжжетъ ногъ.

Д а м ё т а.

Кто сердцемъ о тебѣ живетъ, благотворитель,
 Да придетъ тотъ сюда, утѣкъ твоихъ въ обитель,
 И скалы для него цвѣты и медъ дадутъ.

М Е Н А Л К А.

Кто Мевія прочелъ тяжеловѣсный трудъ,
 Тотъ, Бавій, и твои писанія читаетъ,
 Тотъ зайцевъ и лисицъ ярмомъ отягощаетъ ¹⁾.

Эклогу эту надобно причислить къ древнѣйшимъ произведеніямъ Виргилія. Но такъ какъ она указываетъ уже на существованіе литературныхъ враговъ Виргилія, то это заставляетъ предполагать, что этотъ послѣдній ко времени написанія эклоги пріобрѣлъ уже значительную извѣстность, которую ему могли доставить въ этотъ періодъ не только *Комаръ* и нѣкоторыя мелкія произведенія, но и та эклога, которою онъ воспѣлъ свою любовь къ Алексиду. *Шпонъ*, а за нимъ *Вамеръ*, *Бенуа* и другіе относятъ ее къ лѣту 712 (42) года.

Въ четвертой эклогѣ *Полліонъ* — Виргилій воспѣваетъ золотой вѣкъ, который долженъ возвратиться съ рожденіемъ у Азинія Полліона въ его консульство (714=40) сына, извѣстнаго впоследствии подъ именемъ Азинія Галла. Написана эта эклога послѣ заключенія, при дѣятельномъ посредствѣ Азинія Полліона, въ этомъ же году мира въ Брундузіѣ между Антоніемъ и Октавіаномъ. Для Виргилія этотъ миръ былъ тѣмъ пріятнѣе, что за нимъ слѣдовало окончательное возвращеніе ему его имѣнія. Эклога дышетъ поэтою самой искренней признательностью поэта къ своему благодѣтелю. Уже въ началѣ ея онъ предупреждаетъ музъ, что онъ теперь имѣютъ дѣло съ болѣе возвышеннымъ сюжетомъ, чѣмъ прежде:

¹⁾ Ibid., стр. 203—204.

Sicentes Musae, patulo majora sapamus!

и затѣмъ говоритъ (въ переводѣ Мерзлякова):

Насталъ послѣдній вѣкъ Кумейскихъ откровеній:
 Ужь новый рядъ временъ, ужь новый рядъ явленій!
 (Magnus ad integro saeculorum nascitur ordo)
 Астрея на земль, Сатурнъ свой тронъ вознесъ
 И племя новое низводится съ небесъ.
 Прими младенца ты, о чистая Луцина!
 Имъ долу престаеъ желвзныхъ дней година,
 Съ нимъ блага, съ нимъ сыны години золотой!
 Храни его, блюди! Фебъ царствуетъ съ тобой.
 Такъ, консуль, торжествуй! въ твое, твоё правленье
 Изыдетъ міра честь, сіе вѣковъ рожденье,
 И дивный чинъ свѣтилъ надъ нами потечеть;
 Тобой изгладится несчастій нашихъ слѣдь;
 Трепеща предъ тобой, зло кругъ земной оставить.
 Младенецъ путь боговъ въ путяхъ своихъ прославить
 И силою отчею и духомъ воспоенный
 Народы унасетъ спокойной онъ вселенной¹⁾.

Многіе христіанскіе писатели, начиная съ Лактанція (Inst. VII, 24) вплоть до нашего времени видѣли въ этихъ стихахъ **Виргилія** пророчество о рожденіи Христа, не обращая вниманія даже на то, что здѣсь говорится о родившемся уже младенцѣ, а не о будущемъ его рожденіи. На это прямо указываютъ четыре послѣднихъ стиха эклоги, гдѣ и смыслъ, и грамматическія основанія не позволяютъ имѣть никакого сомнѣнія въ томъ, что рѣчь обращается къ родившемуся дитяти²⁾.

¹⁾ Мерзляковъ, стр. 242. Я пропустилъ въ концѣ два стиха перевода Мерзлякова, соответствующіе 16-му подлинника, такъ какъ переводъ въ этомъ мѣстѣ совсѣмъ не передаетъ подлинника. Вотъ стихи Виргилія, относящіеся къ послѣднимъ тремъ, приведеннымъ въ переводъ:

*Ille deum vitam accipiet, divisquo videbit
 Permixtos heroas, et ipse videbitur illis
 Pacatumque reget patriis virtutibus orbem.*

*Incipe, parve puer, risu cognoscere matrem:
 Matri longa decem tulerunt fastidia menses.
 Incipe, parve puer: cui non risere parentes,
 Nec deus hunc mensa, dea nec dignata cubili est.*

Четвертая эклога. *Виргилия* издана съ переводомъ и разборомъ г. *Шарбе*. Казань, 1856. Но объ этомъ трудѣ къ сожалѣнію я, ничего вамъ сказать, такъ какъ никогда не видалъ его. Наша библиотека его не имѣетъ.

Пятая эклога — *Дафнисъ* — принадлежитъ къ раннимъ произведеніямъ *Виргилия*. Она написана однако послѣ второй и третьей, на которыя въ концѣ ея (ст. 85—86) поэтъ ссылается. Поводомъ къ ней была апофеоза *Юлія Кесаря*, отпразднованная триумвирами послѣ битвы при *Филиппахъ* въ 712 (42) году, въ пятомъ мѣсяцѣ, получившемъ съ тѣхъ поръ названіе *Юль*. *Виргилій* заставляетъ здѣсь двухъ пастуховъ, *Менадку*, и *Моиса*, ссвязаться въ прославленіи, подъ именемъ *Дафниса*, покровителя сицилійскихъ пастуховъ, — *Юлія Кесаря*, даровавшаго въ 705 (49) года римскаго гражданства всей трансданской Галліи. Вотъ какъ *Моисъ* въ вольномъ переводѣ *Мерзлякова* говоритъ о смерти *Дафниса* (ст. 20 слд.).

О *Дафнисъ*, твой конецъ мучительный, конецъ,
Кого не поразило? Всѣ нимфы здѣсь рыдали,
Вы, рѣки, вы, древа, степаньямъ ихъ внимали!
Здѣсь мать вѣжная, въ отчаяньи, въ слезахъ
Сжимая холодный трупъ въ трепещущихъ рукахъ,
Къ богамъ, иль судьбѣ вѣмой упреки возвышала.
О *Дафнисъ*, смерть твоя все скорбью оковала:
Пастухъ свои стада забылъ вести къ струямъ,
Прохладная вода не нравится овцамъ,
И дикихъ серпъ кусты зелены не пльняють,
И львы *Ливійскіе* среди песковъ стенають,
И рощи ропщутъ тамъ, и горы говорятъ.
Ты, *Дафнисъ*, поворилъ пустыни льютъхъ чадъ,
Злыхъ тигровъ подъ ярмо побѣдной колесвицы,
Устроилъ шумные тимпаны и цѣвницы,
И *Тирсомъ* оружию *Вакханомъ* буйный ходъ.
Честь дереву — лоза, лозѣ убранства — плодъ,
Стадамъ краса — волы, колосья — тучнымъ нивамъ.
Ты, *Дафнисъ*, красота, ты слава пастуховъ!
Но рокъ тебя сразилъ — и Палестъ къ нимъ строгъ,
И *Аполлонъ* забылъ печальныя муга.

Придите, пастухи, усыплемъ лугъ вѣтвями,
 Наклонимъ хладну тѣвь надъ быстрыми ключами:
 Такъ Дафнисъ завѣщалъ. Священъ завѣтъ для насъ!
 Да изъ среды холма изыдетъ томный гласъ:
 »Я, Дафнисъ, до небесъ возвышенный хвалою,
 Прекрасныхъ стадъ пастухъ, прекраснѣйшій соборомъ!»

Меналкъ отвѣчаетъ на эти стихи апоэеозой Дафниса (ст. 56 слд.):

Блестательный Олимпъ свой дивный храмъ открылъ:
 Тамъ Дафнисъ шествуетъ, одѣянный лучами
 И видитъ облака и звезды подъ стопами.
 Все радостью цвѣтеть, все дышетъ красотой:
 Здѣсь Панъ, здѣсь пастухи, здѣсь Грацій ликъ молодой.
 Ни лютый волкъ стадамъ не страшенъ боязливымъ,
 Ни хитрые ювцы олевамъ торопливымъ;
 Коварство скрылось въ адъ, нѣтъ стрѣлъ и нѣтъ свей.
 Поля подвинулись, и сонмы горы священны,
 И скалы хладныя, древами освѣнены,
 По вдохновенію склоны свои верхи,
 Гремятъ: онъ богъ, онъ богъ! Падите, пастухи!

Какъ видите, аллегорія здѣсь слишкомъ прозрачна чтобы не видѣть въ этой эклогѣ, подобно древнимъ, прославленія обоготвореннаго Кесаря. Не смотря на то, и эта эклога обнаруживаетъ во многихъ мѣстахъ подражаніе Теоокриту, который гораздо раньше Virgilia воспѣлъ Дафниса и его печальную смерть (Идил. I и VII).

Шестая эклога — *Силенъ* — написана въ исполненіе обѣщанія, которое далъ поэтъ своему другу и покровителю Алфею Вару, заступившему мѣсто Полліона въ цизальпийской Галліи. Лишанный въ другой разъ своего имѣнія, доставшагося тенеръ центуриону Аррію, Virgilii умолялъ въ девятой эклогѣ Алфея Вара оказать покровительство какъ ему, такъ и его землякамъ, Мантуанцамъ, обѣщая ему (ст. 27) прославить его имя до небесъ въ своихъ стихотвореніяхъ. Въ эклогѣ *Силенъ*, шестой по ея счету въ изданіяхъ, но написанной и изданной позже, чѣмъ девятая, поэтъ исполняетъ свое обѣщаніе, хотя только

¹⁾ Мерзляковъ, стр. 221—224.

въ половину. Варъ, по видимому, ожидалъ отъ него эпической поэмы, въ которой, какъ видный дѣятель эпохи, разсчитывалъ увидѣть свое имя; но Виргилій, заявивши въ началѣ эклоги, что, когда онъ принялся за эпическую поэму, Аполлонъ прямо велѣлъ ему заниматься лишь пастушеской поэзіею, выражаетъ свою признательность другу въ эклогѣ, въ которую онъ сумѣлъ вернуть похвалу и другому своему заступнику, Корнелію Галлу (ст. 64). Содержаніе эклоги заключается въ слѣдующемъ:

Два молодыхъ Сатира—Хромисъ и Мназиллъ, къ которымъ присоединилась прелестнѣйшая изъ нимфъ, шалунья Эгле (Aegle, Najadum pulcherrima), овладѣвши сныщимъ Силеномъ, просятъ его снѣтъ пѣсню, которая онъ имъ не разъ общалъ. Силень заиѣлъ имъ про начало міра, счастливый Сатурновъ вѣкъ, слѣдовавшій за нимъ вѣкъ Парры, про участь Проміея, аргоната Гилы, Назифай и пр. (ст. 26 слд.).

Отверзъ уста Силень — и Фавновъ развѣй хоръ,
И звѣри дикіе, жилицы ближайшихъ горъ,
Какъ вдохновенные вокругъ него плясали,
И сосны гордыя главами помавали.
Не такъ царя пѣвцовъ привѣтствуетъ Парнасъ,
Не такъ Иомару милъ Орфея сладкій гласъ!
Воспѣвъ: Выла отъ вѣкъ пустынна бездна міра;
Въ ней крылись семена земли, морей, зѣира
И свѣтлаго огня. Отсѣлъ персти плодъ,
Прозябла жизнь, расцвѣвъ лазурный неба сводъ,
Заматерѣла твердь, и воды отдѣлялись,
И въ образы свои все твари облакались;
Земля предъ жейхомъ, юньющимъ въ лучахъ,
Горитъ и несетъ любовь въ питательныхъ дождяхъ;
Лука цѣвутъ; боръ всталъ, и горы тѣнь низводятъ,
И звѣри изрядка въ безвѣстныхъ дебряхъ бродятъ.¹⁾

Я останавливаюсь на этомъ мѣстѣ пѣснопѣнія Силена, такъ какъ слѣдующіе за симъ непосредственно стихи въ переводѣ Мерзлякова не совсемъ хороши.

¹⁾ Мерзляковъ, стр. 230.

Седьмая эклога — *Мелибей* —, составленная по 6-й идиллии Тео-крита, представляет намъ новый примѣръ *антиквонную* стихотворенія, въ которомъ пастухи *Фирсисъ* и *Коридонъ* состязаются въ поэзи, имѣя судьями *Дафниса* и *Мелибея*. Состязаніе происходитъ на берегу *Минчо* (*Mincius, Mincio*) подъ тѣнью священнаго дуба, слегка колеблемаго вѣтромъ, подъ музыку жужжанія пчелъ, которыя роемъ летаютъ кругомъ, при видѣ стада, стекающихъ къ рѣкѣ на водоной. *Коридонъ* одерживаетъ побѣду.

Въ переводѣ *Мерзлякова* эклога эта начинается такъ:

Въ тѣни подъ говоромъ задумчивыхъ листовъ
Нашъ *Дафнисъ* отдыхалъ. Узрѣвъ его съ холмовъ,
Фирсисъ и *Коридонъ* стада соединили
(Одинъ овецъ, другой игривыхъ козъ — водили), —
Сыны *Аркадіи*, во младости златой,
Пѣвцы, ровесники искусствомъ и красой,
На спорные сѣки готовые съ охотой
(*Et cantare, pates et respondere parati*).

Дафнисъ приглашаетъ *Мелибея*, который искалъ отставнаго козля, послушать пастуховъ, собравшихся поспорить въ искусствѣ импровизаціи. Я приведу въ переводѣ *Мерзлякова* нѣсколько куплетовъ, для того, чтобы вы получили понятіе о прелести этой эклоги. Выбираю мѣста, гдѣ языкъ перевода глаже, хотя самый переводъ и не совсѣмъ близокъ къ подлиннику.

К о р и д о н ъ (ст. 45).

Вы, свѣтлые ключи, вы, куши звездъ прохлады,
Ты, мягна мурава, душисто ложе сновъ,
Вы, лозы гибкія, тѣнистыя птицъ покровъ,
Храните оддыхъ стады! Палъ льта зной тяжелый,
И сокомъ сладостнымъ налился гроздь веселый.

Ф и р с и с ъ.

Здѣсь есть онагъ, огонь и ноша пыльныхъ дровъ,
Чернѣетъ хижина отъ дымныхъ облаковъ.
Не страшень намъ *Борей*, свдой предвѣстникъ хлада,
Какъ волку жадному не страшны крики стада,
Какъ буйственной рѣкѣ не страшны берега.

К О Р И Д О Н Ъ.

Эдвѣв скажутъ радрство тельцы, поднявъ рога,
 Древа кудрявыми главами помавають,
 Въ дѣни деждь плоды и взоры привлекають;
 Все живо, все цвѣтетъ: но если Нисы пѣтъ,
 Все мертво, самый ключь какъ-будто не течеть
 (Omnia nunc rident: at si formosus Alexis
 Montibus his abeat, videas et flumina sicca).

Θ И Ρ Σ Ι Σ Ξ.

Зной дышетъ на поляхъ и травка погибаетъ,
 Цвѣтокъ поблекъ, увылъ; головку преклоняетъ,
 Семелинъ сынъ съ холмовъ похитилъ виноградъ:
 Филлида возвратись—и горы возблестятъ,
 И снидетъ Юпитерь въ росъ полямъ отрадной.

Въ заключеніе Мелибей говоритъ:

Вотъ пѣсни спорныя двухъ юныхъ пастуховъ,
 Но Θирсисъ побждетъ питомцемъ Аполлона:
 Съ тахъ поръ, съ тахъ поръ люблю (младого Коридона.)¹⁾

Восьмая эклога — *Фармацевтριά* (ворожея) — посвящена Азинію Пелліону, возвращавшемуся весной 415 (39) изъ далматскаго похода въ Римъ съ триумфомъ. Она состоитъ изъ двухъ частей, изъ которыхъ въ первой пастухъ Дамонъ горько жалуется на измену своей возлюбленной, соединившейся съ другимъ, и завидуетъ его счастью. Эта часть составлена по 3-й идилліи Теоокрита. Во второй части пастухъ Алфесибей поетъ, какъ молодая пастушка при помощи разныхъ чарующихъ средствъ заставляеть къ себѣ воротиться покинуваго ее Дафниса. Эта часть составлена по 2-й идилліи Теоокрита. Пѣсни двухъ пѣвцовъ представляютъ состязаніе цѣлымъ рядомъ стробъ, изъ которыхъ каждая оканчивается припѣвомъ.

Начинается эклога такъ:

Пою, Дамона пѣснь и пѣснь Алфесибей,
 Творенья дивныя, отъ конхъ цѣпенья,
 Не прогаясь стада отояли надъ травой;

¹⁾ Ibid., стр. 237—241.

И звѣри ярые забыли страшный бой,
И рѣки вспять текли, таинственно робѣя.
Пою Дамона пѣснь и пѣснь Алфесибей.

Вслѣдъ за этимъ вступленіемъ поэтъ обращается къ Азинію Полліону, которому посвящена эклога. Переводъ Мерзлякова въ этомъ мѣстѣ совсѣмъ не хорошъ: поэтому я пропускаю эту часть стихотворенія. А вотъ для образца нѣсколько строфъ самаго состязанія (ст. 14):

Уже съдая ночь отъ выспренныхъ семеній
Сбираетъ къ западу мерцающія тѣни;
Дымясь росистый лугъ манитъ къ себѣ стада.
Къ оливъ преклонясь, Дамонъ воспѣлъ тогда:
»Возстань, о свѣта вождь, и день веди съ собою
Последній, можетъ быть, привѣтствуемый мною!
Любовью ложною невѣрныхъ плъненъ,
Нацасно вопію къ отмстителямъ измѣнъ.
Сидѣтели измѣнъ, мнѣ боги не внимали.¹⁾
Меналь, внимли Меналь, свирли томный гласъ!
Менала боръ шумитъ, мнѣ дубы отвѣчаютъ;
Вздыханія любви въ лѣсахъ не умираютъ;
Здѣсь Панова свирель стонала въ первый разъ.
Меналь, внимли Меналь, свирли томный гласъ!

И такъ далѣе идетъ рядъ строфъ Дамона съ тѣмъ же припѣвомъ, который измѣняется въ концѣ его пѣсни на слѣдующій (ст. 61):

Престань, престань стонать, свирли томный гласъ
(*Desine Menalios, jam desine, tibia, versus!*)

На все это Алфесибей отвѣчаетъ другимъ рядомъ строфъ, въ которыхъ онъ воспѣваетъ привлеченіе женщиной, при помощи чародѣйства, къ себѣ милаго (ст. 64):

Приблизь ко мнѣ сосудъ съ чистѣйшею водою
И препояшь алтарь повязкою льняной,
Да взыдутъ облака съдыхъ благоуханій,

¹⁾ Передъ этимъ стихомъ у Мерзлякова находятся два стиха, которые я пропустилъ, потому что они не имѣютъ соответствующихъ себѣ въ подлинникѣ.

Да сила сочныхъ травъ и тайныхъ обаяній
 Супруга моего любовь воспламенитъ.
 Готово все! Теперь пусть гласъ мой возгремить!

О пѣсни дивныя, вы въ городъ полетите
 И Дафниса домой скорѣ возвратите!

Не въ пѣсняхъ-ли сокрытъ волшебный даръ чудесъ?
 Всемошнй пѣсни гласъ луну сводилъ съ небесъ;
 Изъ устъ Цирцеиныхъ карающая сила
 Улисса спутниковъ въ зверей преобразила;
 И змѣй, скрутяся въ клубъ, пуская гнѣвный свистъ,
 При пѣсняхъ изсыхалъ, какъ бѣдный въ полѣ листь.

О пѣсни дивныя, вы въ городъ полетите
 И Дафниса домой скорѣ возвратите.

Припѣвъ этотъ также повторяется до конца, гдѣ его замѣняетъ другой, переданный Мерзляковымъ слишкомъ свободно. Въ подлинникѣ говорится:

Parcite, ab urbe venit, jam parcite, carmina, Daphnis.

А Мерзляковъ переводитъ:

О пѣсни дивныя, престаньте, торжествуя!
 Мой Дафнисъ возвращенъ. Прощаю и цѣлюю! ¹⁾

Девятая эклога — *Мерисъ* — написана Виргилиемъ въ то время, когда онъ, прогнанный во второй разъ изъ своего имѣнія, бѣжалъ изъ своихъ мѣстъ и скрывался въ домѣ своего бывшего учителя, философа Сирона. Здѣсь онъ взываетъ къ Вару, замѣнившему Азинія Полліона, прося его защитить Мантуанцевъ отъ изгнанія и обѣщая прославить его имя, что онъ и исполняетъ въ той эклогѣ, которая стоитъ *шестю* (см. стр. 45). Содержаніе такое:

На пути въ Мантую два настуха, Мѣрисъ и Ликида, ведутъ разговоръ о несчастной судьбѣ, постигшей ихъ мѣстность. Мѣрисъ — рабъ Меналки. Поэтому разговоръ легко сводится на стихотворенія этого послѣдняго, возвратившія ему уже разъ его имѣніе. Ликида говоритъ (ст. 7):

¹⁾ Мерзляковъ, стр. 243—250.

Я слышалъ — вѣрно-ли? — слагателю стиховъ,
 Меналкѣ, отдано все поле отъ холмовъ,
 Гдѣ начали они примѣтно понижаться,
 Кудрявою главою на грудь равнинъ склоняется,
 До самой до рѣки, до тѣхъ высокихъ ивъ,
 Разбитыхъ молніей...

Мёрисъ на это замѣчаетъ, что теперь стихи ужъ не помогаютъ,
 и говоритъ:

Былъ слухъ такой, но лживъ.
 Ахъ, Лицидъ, что стихи предъ грозными мечами?
 Что робкій голубокъ предъ злыми ястребами?
 Когда-бъ не вѣщій вранъ изъ стараго дупла
 Меня предостерегъ отъ споровъ и отъ зла,
 Тогда-бъ, Мёрисъ, прощай! Меналку-бъ тоже было! ¹⁾

Л и к и д а.

Ахъ, нѣтъ, не вѣрю я, чтобъ это насъ сразило!
 Отраду нашу, честь, у насъ Меналка взяла!..
 Кому же славить нимфъ? ²⁾ Кто могъ-бы украшать
 Равнины влажныя весенними цвѣтами
 И свѣтлые ключи зелеными тѣнями?
 Кто пѣсни-бы слагалъ, столь милыя для насъ,
 Какъ та, что у тебя укралъ я въ добрый часъ,
 Когда ты Лилою ³⁾ своею восхищался
 И въ хороводы къ намъ съ красавицей сбирался:
 »Титиръ, паси овецъ! Дорога не долга,
 Я скоро возвращусь...
 Титиръ, напои овецъ! Однако не встрѣчайся
 Съ козломъ моимъ: онъ бьетъ,—смотри, остерегайся!» ⁴⁾

М ё р и с ъ.

А пѣснь для Вара? Конца еще въ ней нѣтъ:

¹⁾ Это — намекъ на опасность, которой едва избѣжалъ Виргилій, спасаясь отъ центуріона Аррія, который захватилъ его имѣніе.

²⁾ См. Есл. V, 20.

³⁾ Въ подлинникъ не Лила, а *Амариллида*, женское имя, взятое у Теоокрита.

⁴⁾ Место это взято изъ 3-й идилліи Теоокрита (ст. 3—5).

»О Варъ, пускай для пась, пусть Мантуя цвѣтеть!
 Ахъ, Мантуя, сосѣдъ Кремопы злополучной!
 Будь Мантуя покровъ, — и лирой сладкозвучной
 Мы имя вознесемъ твое до самыхъ звѣздъ.

Эклога *десятая*—*Галлъ*—посвящена извѣстному поэту (см. ниже) Корнелію Галлу, одному изъ покровителей Виргилія передъ Августомъ послѣ второй конфискаціи его имѣнія. Въ ней воспѣвается несчастная любовь Галла, которому во время его отсутствія измѣнила Ликорида, воспѣтая въ его не дошедшихъ до насъ элегіяхъ. Эта Ликорида отправилась въ Галлію съ однимъ изъ военныхъ во время похода туда Агриппы въ 716 (38). Эклога написана 716—717 (38—37) и есть послѣдняя эклога Виргилія, начиная которую онъ прощается съ буколической поэзіей навсегда.

Къ послѣднему труду склонися, Аугуста!
 Для Галла воспоешь моя печальна муза,
 Немногіе стихи для Галла моего,
 Да тронетъ наша пѣснь Ликориду его!
 Какъ Галлу отказать въ слезахъ и пѣнопѣньи?
 О будь счастлива въ вѣкъ въ подземномъ ты теченьи,
 Съ Доридой горькою не слейся никогда!
 Начнемъ! Оставимъ здѣсь игривыя стада
 Рвзвиться въ зелени, щипать младыя травы;
 Начнемъ, повѣдаемъ слѣпой любви отравы!
 Пою не для глухихъ: лѣса даютъ отвѣтъ
 (Non canimus surdis: respondent omnia silvae).
 Наяды вѣжны, о дѣвъ прелестныхъ цвѣтъ!
 Въ какихъ лѣсахъ тогда гуляли вы спокойно,
 Когда вашъ другъ страдалъ любовью недостойно?
 Ни Пиндъ, ни Геликонъ, ни каменный Парнассъ,
 Въ то время не могли собой утѣшить васъ:
 Все плакало о немъ, и лавры, и оливы,
 И Меналъ, осной вѣчанный, горделивый,
 И выпренній Ликей, отецъ угрюмыхъ скалъ,
 Все плакало тогда, всѣхъ тронулъ бѣдный Галлъ. ¹⁾

¹⁾ Мерзляковъ, стр. 262—263.

Буколики были, какъ мы знаемъ, первыми опытами, въ которыхъ высказался замѣтнымъ образомъ поэтический талантъ *Виргилия*. Мы знаемъ также, что они произвели сильное впечатлѣніе на современниковъ и доставили поэту большую славу. *Донатъ* въ своемъ жизнеописаніи *Виргилия* говоритъ, что эти произведенія часто декламировались на сценѣ¹⁾ и вѣроятно имъ обязанъ *Виргилій* тѣмъ почестомъ, какой однажды оказала ему въ театрѣ публика, поднявшись съ мѣстъ при звукахъ его стиховъ и воздавши ему такимъ образомъ, по замѣчанію *Тацита* (*Dial.* 13), почестъ, какую она оказывала *Августу*. Но, строго говоря, *Буколики*, при всей прелести своихъ стиховъ, далеко не обладаютъ тѣми качествами, какія требуются отъ произведеній образцовыхъ, гениальныхъ. Уже то одно, что *эклоги Виргилия* въ большинствѣ случаевъ не самостоятельны и представляютъ прямая заимствованія у *Феокрита* не только отдѣльныхъ стиховъ, но и цѣлыхъ частей произведенія, лишаетъ ихъ права на первоклассное значеніе въ римской литературѣ. Зависимость свою отъ *Феокрита Виргилій* довелъ въ нихъ до того, что нѣкоторыя *эклоги* онъ преспокойно составлялъ изъ двухъ *идиллій* сицилійскаго поэта (напр. *эклога 3-я* составлена по *IV* и *V* *идилліямъ*, *эклога 8-я*—по *II* и *III*) точъ въ точъ какъ поступали *Плавтъ*, *Цецилій* и *Теренцій* съ греческими комедіями²⁾. Но чтб особенно бросается въ глаза, указывая на недостатокъ полной зрѣлости *Виргилия* въ этихъ произведеніяхъ, это — общность фигуръ, отсутствіе индивидуальныхъ чертъ и мѣстнаго колорита въ его пастухахъ, которые не то Греки, не то Итальянцы, не то другой какой народъ. Да *Виргилій*, повидимому, и не заботился о томъ, чтобы придать своей пастушеской поэзіи всю свѣжесть колорита настоящей сельской жизни и изобразить въ своихъ *эклогахъ* живыми и реальными красками ту простую деревенскую природу, которая составляетъ все содержаніе *идиллій Феокрита*. Эти пастухи — *Меналки*, *Мелибеи*,

¹⁾ *Bucolica eo successu edidit, ut in scœna quoque per cantores crebro pronuntiarentur* (*Suet. ed. Reiff. p. 60*). Ср. *Serv. ad Ecl. VI, 11*.

²⁾ Сравненіе это, впрочемъ весьма легко приходящее въ голову, сдѣлано *Тэйфелемъ* въ его исторіи римской литературы, р. 393 (444 2-го изд.).

Дафнисы и т. п. нужны были ему, какъ аллегоріи, подъ которыми скрывались живыя лица современнаго ему общества, а овцы и козы, травка и ручейки—все, что такъ сердечно любилъ *Виргилій*—должны были служить ему въ этомъ случаѣ лишь сценой, въ которой онъ нуждался для того, чтобы высказать мысли и чувства, не имѣвшія иногда ничего общаго съ сельскою жизнью. Вотъ гдѣ именно слабая сторона *Буколикъ*. Они страдаютъ всѣмъ тѣмъ, что служитъ болѣзнію для всякаго рода пересаженныхъ растений, какъ физическихъ, такъ и духовныхъ,—недостаткомъ потребнаго для нихъ климата и почвы. *Идиллія*, какъ она высказалась у *Теокрита* съ ея наивнымъ, чисто деревенскимъ характеромъ, есть произведеніе, прелесть котораго могла быть вполне оцѣнена Греками, слишкомъ далеко ушедшими въ гражданственности, чтобы жить съ деревенскою простотою, но вмѣстѣ съ тѣмъ слишкомъ также развитыми, чтобы не понимать всей прелести контраста между утонченною жизнію сибарита и дѣтскою простотою пастушескаго быта. Этотъ самый контрастъ, эта перемѣна воздуха, какая чувствовалась при чтеніи *Теокритовыхъ* произведеній, сама по себѣ, безъ всякихъ аллегорій, была достаточна для того, чтобы образованный Грекъ нашелъ въ нихъ бездну интереса и понялъ законность существованія ихъ, какъ особаго рода поэтическихъ произведеній. Переносъ же этотъ родъ на римскую почву, *Виргилій*, безъ сомнѣнія, не имѣлъ передъ собой публики, которая бы съ эллинскимъ вкусомъ и обоняніемъ сумѣла оцѣнить всю прелесть безыскусственнаго деревенскаго быта, уже давно сдѣлавшагося въ значительной части *Италіи* почти исключительнымъ достояніемъ рабовъ, трудившихся съ цѣнями на ногахъ для своихъ жестокихъ обладателей. Онъ инстинктивно понималъ, что ему нельзя быть для своихъ соотечественниковъ *Теокритомъ*, и потому невольно сдѣлалъ изъ своихъ эклогъ въ некоторомъ родѣ то, чѣмъ были для *Горація* сатиры,—средство для выраженія своихъ личныхъ стремленій, потребностей и даже чувствъ, какія онъ питалъ къ своимъ покровителямъ. Какъ ни далеки однако въ художественномъ отношеніи эклоги *Виргилія* отъ *идиллій Теокрита*, ихъ первообраза, въ римской поэзіи онѣ занимаютъ тѣмъ болѣе видное мѣсто, что эта мастерская отдѣлка языка, изящество манеры и гар-

монія строго выдержаннаго стиха въ первый еще разъ такъ ясно выступаютъ въ римской литературѣ, свидѣтельствуя и о несомнѣнномъ талантѣ писателя, и о наступленіи классическаго періода въ римской поэзіи. Понятно впечатлѣніе, которое стихи эти произвели въ Римѣ, доставивши *Виргилію* не только значеніе въ партіи, которой досталась въ руки власть, но и почетъ въ публикѣ. Стихи эти были стихами *Жуковскаго*, раздавшимися у насъ въ началѣ 19-го столѣтія и сразу возвѣстившими о наступленіи новой эры въ русской поэзіи.